

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-119-125

ОБРАЗ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО ИСТОЧНИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ШИЛЛЕРА, ГЁЛЬДЕРЛИНА, НОВАЛИСА

Золотько О.В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматривается художественный образ «золотого века» (легендарного блаженного прошлого периода в истории человечества) в творчестве Достоевского, Шиллера, Гельдерлина и Новалиса. Общие мотивы в изображении «золотого века» в произведениях данных писателей, возможно, обусловлены их сближением в освещении исторического процесса Нового времени. Возможность такого сопоставления в отношении Достоевского была указана в работах Жирмунского и не была ещё реализована в достоеведении. К обоснованию анализа привлекается культурный контекст, и ставится вопрос об общности мироощущения писателей разных эпох и литературной традиции в изображении «золотого века».

Ключевые слова и фразы: компаративистика, «золотой век», Достоевский, Шиллер, Гельдерлин, Новалис.

THE IMAGE OF THE GOLDEN AGE IN DOSTOEVSKY'S WORKS AND ITS SOURCES IN WORKS BY SCHILLER, HÖLDERLIN AND NOVALIS

O. Zolotko

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991*

Abstract. The article discusses the artistic image of the Golden Age, the legendary blissful past period of mankind's history, in the works by Dostoevsky, Schiller, Hölderlin, Novalis. Common motifs in description of the Golden Age in the works by mentioned authors perhaps are caused by their similarity in interpretation of modern history. The possibility of this comparison was mentioned in the works by Zhirmunsky and wasn't still carried out in Dostoevsky's studies. In proof of this investigation the wide cultural context is drawn. The fact of common world outlook of mentioned authors and the existing of literary tradition in description of the Golden Age is analysed.

Keywords: comparative studies, the Golden Age, Dostoevsky, Schiller, Hölderlin, Novalis.

Тоска по нравственному и эстетическому идеалу у некоторых героев Достоевского воплощается в видение «золотого века» – им снится блаженное прошлое человечества, когда люди жили в любви и гармонии с природой, как это про-

шлое было опоэтизировано в античном мифе. Мы находим развёрнутые картины «золотого века» в романах «Бесы» (1871–1872) (исповедь Ставрогина в главе «У Тихона», не вошедшей в окончательную редакцию романа), «Подросток» (1875) (сон Версилова), в рассказе «Сон смешного человека» (1877). Важно отметить, что видение «золотого века» в произведениях Достоевского имеет постоянные черты, повторяясь в снах и размышлениях разных героев, поэтому мы можем говорить об образе «золотого века» в художественном творчестве Достоевского в целом.

Этот образ уже привлекал внимание исследователей Достоевского, прежде всего, его возможные источники: в литературе социалистов-утопистов, в христианском учении об Апокалипсисе (так как видение прошлого «рая на земле» иногда у Достоевского переходит в образ будущего «золотого века»), в произведениях Сервантеса, в учении Н.Ф. Федорова об «общем деле» и др. Наконец, происхождение этого образа рассматривалось в связи с влиянием Шиллера на Достоевского [1; 9]. В своей работе мы предполагаем расширить круг этих источников, включив в него также произведения младших современников Шиллера, Гельдерлина и Новалиса, так как именно в их творчестве важное место уделено трактовке «золотого века».

Бесспорно влияние творчества Шиллера на Достоевского, в его произведениях можно найти заимствования некоторых мотивов, образов, элементов сюжета из драм и стихотворений Шиллера, обнаружить идейное влияние его трактатов. Поэтическое изображение «золотого века» мы нахо-

дим в стихотворениях Шиллера «Боги Греции», «Элевсинский праздник» и трактате «Письма о наивной и сентиментальной поэзии», которые Достоевский упоминает в своих сочинениях.

О знакомстве Достоевского с произведениями Гельдерлина и Новалиса у нас нет сведений. Хотя имя, по крайней мере, Гельдерлина было Достоевскому известно, о чём свидетельствует письмо брату М.М. Достоевскому от 24 марта 1845 [5, т. 28, с. 108].

Тем не менее, именно в творчестве младших современников Шиллера образ «золотого века» занимал важное место в осмыслении истории человечества. И особенно ярко он был воплощён в произведениях Гельдерлина (роман «Гиперион», 1792–1799) и Новалиса («Гимны к ночи» (1800), «Ученики в Саисе» (1798), «Генрих фон Офтердингген» (1797–1800)). Обращает на себя внимание общность мотивов в изображении легендарного прошлого человечества Достоевским и упоминаемыми писателями и, более того, сходство мироощущения, которое стоит за этими картинами. О сходстве мировидения самого Достоевского с немецкими романтиками приходится говорить с осторожностью, так как рассматриваемая нами тема разрабатывается писателем по большей части в художественных произведениях и относится к идеям его персонажей, однако можно привлечь и ряд высказываний самого Достоевского в его публицистике, в «Дневнике писателя». Героев Достоевского с немецкими романтиками роднит обострённое чувство своей эпохи, когда рушится старый строй и создается новый, предвосхищение нового мироустройства, в котором воплотится духовный и эстетический идеалы.

Поэты обращаются к мифу о прошлом человечества, в котором этот идеал уже был воплощён, но впоследствии разрушен грехопадением человека. В немецком романтизме «мифопоэтические модели смены эпох, такие, как Апокалипсис и Золотой век, изображаются как будущие перспективы и проникнуты волнением перед грядущим» (перевод О. З. с нем.: „Mythisch-poetische Zeitenwendenmodelle wie die Apokalypse und das goldene Zeitalter werden als Zukunftsaussichten vorgestellt und mit Zukunftsaffecten emotional besetzt“) [10, S. 104]. У поколения Гельдерлина и Новалиса такое мироощущение было следствием Французской революции 1789 г. и крушения идеалов Просвещения. «Достижение раннеромантической поэзии и теории литературы в том, что в не предвещавшие хорошего будущего 90-е годы в Германии была принята смена курса в ближайшем временном горизонте и, не отрекаясь от будущего из-за краха просветительских историко-философских перспектив во время Французской революции, [это будущее] снова открыли, отобразили и опозитивировали в иных временных и исторических обстоятельствах и моделях» (перевод О. З. с нем.: „Es ist eine Leistung der frühromantischen Literaturtheorie und Poesie inmitten der Zukunftsverschlechterung der 90er Jahre in Deutschland, den „Führungswechsel der Zeithorizonte“ aufgenommen und Zukunft mit dem Scheitern der aufklärerisch geschichtsphilosophischen Zukunftsperspektivierung in der Französischen Revolution nicht preisgegeben, sondern in andersartigen Zeit- und Geschichtskonstellationen und Modellen erneut erschlossen, reflektiert und poetisiert zu haben“) [10, S. 103]. Поэты обретают

новую веру в человека, в его творческие силы, его причастность тайнам природы, в будущее его перерождение и преображение всего мира.

Достоевский, говоря в «Дневнике писателя» о современных ему европейских событиях и явлениях (войнах, революциях, растущем чувстве отчуждения между людьми), предвещал, что «Европу ждут огромные перевороты, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как бы чем-то фантастическим» [5, т. 26, с. 87]. За политическими предсказаниями встают апокалиптические картины: за переворотами последует воплощение утопии – всемирное братство людей, «воздвижение Христовой истины» [5, т. 23, с. 50], Царство Божие на земле. В романе «Подросток» Версиков, оплакивая гибнущие сокровища старой Европы в пожарах Тюильри, переносится мыслью к началу европейского человечества, к видению «золотого века», который представляется ему как картина Клода Лоррена «Асис и Галатея», она снится ему, но «не как картина, а как будто какая-то быть» [5, т. 13, с. 375], и далее сон о прошлом переходит в предвосхищение будущего, которое в воображении героя рисуется как пандан к картине «золотого века»: «великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, как то величавое зовущее солнце в картине Клода Лоррена, но это был уже как бы последний день человечества» [5, т. 13, с. 378]. Этот ход мысли, когда в настоящем поэт видит образ потерянного в прошлом идеала и прозревает будущее его возвращение, близок Гельдерлину и Новалису. Гельдерлин, приветствовавший революцию 1789 г. и начало освободительного движения в Греции,

после их неудачи обращается от современности к прошлому и помещает героя романа «Гиперион» в особое время и пространство: Гиперион, участвуя в современном греческом движении, стремится возродить античный «золотой век», красоту Древней Греции. Новалис, в своей статье «Христианство, или Европа» (1799) отвергавший кровавый опыт французской революции, видел в ней результат духовного распада Европы, потерявшей христианские основы, когда «единый великий общий интерес объединял отдалённые провинции этого пространного духовного царства» [7, с. 134]; и без возврата к христианской вере будущее Европы невозможно: «Никакие ваши подпорки не помогут, когда ваше государство никнет к земле, но привяжите его высшим томлением к небесным высям, соотнесите его со вселенной, и вы обретёте в нём никогда не слабеющую пружину» [7, с. 141]. В рассуждениях героя Достоевского, Версилова, мы находим тот же пафос: «После проклятий, комьев грязи и свистков настало затишье, и люди остались *одни*», без бога, но они открыли бы в себе бесконечный источник любви и, наконец, «посреди осиротевших людей» к ним приходил Христос, «простирал к ним руки и говорил: «Как могли вы забыть его?» И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...» [5, т. 13, с. 379].

Примечательно, что в России мысль Новалиса о христианской Европе «подхватил П. Чаадаев. И его знаменитое первое «Философическое письмо» (1836) («Вы знаете, что ещё не так давно вся Европа носила название христианского мира...») прямо повто-

ряло новалисовский тезис» [3]. А на личность Чаадаева, его философско-историческую концепцию, возможно, ориентировался Достоевский, работая над образом Версилова, так как Чаадаев «первый поставил так остро <...> вопрос о России и Европе» [4].

На то, что в мистической философии истории немецких романтиков и утопических построениях Достоевского есть нечто родственное, общий религиозный пафос, указал впервые Жирмунский в работе «Немецкий романтизм и современная мистика»: «Немецкий романтизм оказал на нашу литературу большое воздействие <...> В то же время, в этой заимствованной форме проявляется подлинный религиозный дух, развивающийся из глубин русского народного сознания. В сочинениях славянофилов, Достоевского и Вл. Соловьёва вырастает своеобразное мистическое предание, идущее чисто национальным путём и достигающее своего завершения в религиозной вере, унаследованной от отцов и в то же время такой подходящей для самых смелых и самых новых религиозных исканий. В творчестве Достоевского, величайшего писателя XIX века, – вершина этого пути. Здесь открывается новая вера, земная и небесная одновременно, и эта вера – та самая, которую искали романтики, оказывается тождественной с глубочайшими основами исторического христианства» [6, с. 197-198].

Теперь перейдём к анализу самого образа легендарного прошлого в творчестве Достоевского, Шиллера, Геллерлина и Новалиса.

Прежде всего, помещение «золотого века» во время и пространство Древней Греции имело особый смысл

в литературе немецкого романтизма. Прославление Эллады как обители «золотого века» нашло яркое воплощение в поэзии и трактатах об искусстве Шиллера. Место действия снов Ставрогина, Версилова: «уголок Греческого архипелага, причём и время как бы перешло за три тысячи лет назад» [5, т. 13, с. 375], так же во сне Смешного человека.

В трактате «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795) Шиллер относит к античности время «наивной» поэзии, время единства с природой, «непосредственного её восприятия, не отделяющего познающего субъекта от познаваемого объекта» [8, т. 6, с. 412]. «Вырождение культуры не зашло ещё у них так далеко, чтобы из-за него была покинута природа. Всё здание их общественной жизни зиждилось на чувствах, а не на продуктах искусственности» [8, т. 6, с. 412]. Картины утраченной гармонии природного и человеческого мира мы находим в снах Ставрогина, Версилова и Смешного человека: «Они вставали и засыпали счастливые и невинные <...> великий избыток непечатых сил уходил в любовь и в простодушную радость» [5, т. 13, с. 375]; «Это была земля, не осквернённая грехопадением» [5, т. 25, с. 112].

О том, что человек золотого века ещё не лишён возможности живого, непосредственного и целостного познания мира писал Новалис («Ученики в Саисе», «Гимны к Ночи»): «Наверное, далеко не сразу решились люди определить общими наименованиями многообразные предметы своих чувств <...> Думы наших предков <...> остаются для нас органическим проявлением самого земного бытия, изобразившегося в них как достоверное былое» [7, с. 115-

116]. По Новалису, прежде «человек не умел объединить своих отдельных восприятий и противопоставить их себе в виде общего понятия». Речь этих людей отличалась магической силой: она была «сверкающей связью между ними и нездешними странами и существами» [6, с. 114]. **Сопоставим это изображение с рассказом «Сон смешного человека»:** «Они указывали мне на деревья свои <...> И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! <...> Они указывали мне на звёзды <...> я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звёздами, не мыслю только, а каким-то живым путём» [5, т. 25, с. 113].

Шиллер и немецкие романтики, как и герои Достоевского, пишут о возможности возвращения «золотого века», будущего нового гармоничного общества на началах добра и красоты, о пути в «Элизиум человека, которому уже нет возврата в Аркадию» («О наивной и сентиментальной поэзии») [8, т. 6, с. 445]. Представление о трёхчастном развитии человеческого рода: первобытное, наивное состояние человечества, живущего в массе, затем переходный этап цивилизации, эпохи «распадения масс на личности», и, наконец, новое, свободное «возвращение в непосредственность, в массу», – мы находим в набросках к статье Достоевского «Социализм и христианство» [5, т. 20, с. 192]. На этапы распадается история человечества и в размышлениях и снах Версилова и Смешного человека: идеальное прошлое, современная эпоха беспорядка, войн и будущее возвращение «земного рая».

По Гельдерлину также период дисгармонии, как и у Достоевского в наброске статьи «Социализм и хри-

стианство» период цивилизации, необходим: «надобно придти соблазнам. Мы все пробегаем по эксцентрическому пути, и нет другой дороги от детства к совершенству» [2, с. 37].

Рассмотренные нами мотивы в изображении «золотого века» Досто-

евским и немецкими писателями позволяют говорить о характерном сближении творчества писателей разных стран и эпох на уровне мироощущения, а также о возможном о развитии литературной традиции изображении «золотого века».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер: заметки русского германиста. М.: Сов. писатель, 1984. 278 с.
2. Гельдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. Сюжетта Гонтар. Письма Диотимы. М.: Наука, 1988. 718 с.
3. Дмитриева Е.Е. Новалис, «вспахиватель целины» // История немецкой литературы. Новое и новейшее время. М.: РГГУ, 2014. С. 400.
4. Долинин А.С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.–Л.: Сов. писатель, 1963. С. 113.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1914. 207 с.
7. Новалис Г.Ф.Ф фон Г. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, 2003. 280 с.
8. Шиллер Фридрих. Собрание сочинений в 7-ми тт. М.: Худ. лит., 1955–1957.
9. Lyngstad A. H. Dostoevskij and Schiller. Paris: Mouton, 1975. P. 66, 106.
10. Oesterle, Ingrid. Es ist an der Zeit! // Goethe und das Zeitalter der Romantik. Hgs. Von Walter Hiderer. Würzburg: Königshausen and Neumann, 2002. 524 p.

REFERENCES:

1. Vil'mont N.N. Dostoevskii i SHiller: zametki russkogo germanista [Dostoevsky and Schiller: notes of a Russian Germanist]. M.: Sov. writer, 1984. 278 p.
2. Gel'derlin F. Giperion. Stikhi. Pis'ma. Syuzetta Gontar. Pis'ma Diotimy [Hyperion. Poems. Letters. Of Suzette Gontar. Letters Diotima]. M., Nauka, 1988. 718 p.
3. Dmitrieva E.E. Novalis, «vspakhivatel' tseliny» [Novalis, «the ploughman of a virgin soil»] // Istoriya nemetskoj literatury. Novoe i noveishee vremya [The history of German literature. Modern and contemporary times]. M., RGGU, 2014. p. 400.
4. Dolinin A.S. Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' «Podrostok» i «Brat'ya Karamazovy» [The last novels of Dostoevsky. How were made the «Teenager» and «the Brothers Karamazov».] M.–L., Sov. pisatel', 1963. p. 113.
5. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30-ti tt. [Complete works in 30 vols.]. L., Nauka, 1972–1990.
6. Zhirmunskii V.M. Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika [German romanticism and modern mysticism]. SPb., Tip. t-va A.S. Suvorina, 1914. 207 p.
7. Novalis G.F.P.F von H. Genrikh fon Ofterdingen [Heinrich von Ofterdingen]. M., Nauka, 2003. 280 p.
8. Shiller Fridrikh. Sobranie sochinenii v 7-mi tt. [Collected works in 7 vols.]. M., KHud. lit., 1955–1957.
9. Lyngstad A. H. Dostoevskij and Schiller. Paris: Mouton, 1975. p. 66, 106.

10. Oesterle, Ingrid. Es ist an der Zeit! // Goethe und das Zeitalter der Romantik. Hgs. Von Walter Hiderer. Würzburg: Königshausen and Neumann, 2002. 524 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотько Ольга Вячеславовна - аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: zolga13@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Zolotko – postgraduate student at the department of history of Russian Literature in Lomonosov Moscow State University; e-mail: zolga13@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Золотько О.В. Образ «золотого века» в творчестве Достоевского и его источники в творчестве Шиллера, Гёльдерлина, Новалиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 119–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-119-125

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Zolotko. THE IMAGE OF THE GOLDEN AGE IN DOSTOEVSKY'S WORKS AND ITS SOURCES IN WORKS BY SCHILLER, HÖLDERLIN AND NOVALIS // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 119–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-119-125